

М.А. Астахов*

**ИСТОРИЯ ПОЗДНЕЙ РЕКОНКИСТЫ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВИЗАНТИЙСКОГО ОПЫТА
(читая книгу Р.М. Шукурова
«Тюрки в византийском мире»)**

М.А. Astakhov

**HISTORY OF THE LATE RECONQUISTA
IN LIGHT OF THE BYZANTINE EXPERIENCE
(reading the book by R.M. Shukurov
“The Turks in the Byzantine World”)**

Аннотация. Данное исследование направлено на выявление исторических закономерностей, характерных для зона контакта и взаимопроникновения разных цивилизационных моделей, приводящих к прогрессивному доминированию и превалярованию одной из них, которая в итоге вытесняет или поглощает своего антагониста. Предпринята попытка сравнения исторического опыта Испании и византийского мира в XIII–XV вв., на которую автора вдохновила книга российского византиста Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире (1204–1461)». Сравнительно-исторический анализ процессов, происходивших на Пиренеях в эпоху поздней Реконкисты (с начала XIII в.) и в византийском мире на последних этапах его существования, несмотря на существенную типологическую разницу государственных образований, выявил множество общих черт: от схожей политической судьбы мусульманской Испании и Византии до особого характера интенсивного межкультурного, межязыкового и, шире, межцивилизационного взаимодействия в этих землях, расположенных на противоположных концах Средиземноморья. Особенно важным автору представляется вывод Р.М. Шукурова о «латентной тюркизации» поздне-византийского общества, происходившей фактически изнутри: тюркский элемент постепенно включался в византийское мироустройство, становясь его неотъемлемой частью и предопределяя в конечном итоге экзистенциальный проигрыш империи. Экстраполирование подобной схемы на историю испанского Средневековья могло бы оказаться плодотворным

* *Астахов Марат Андреевич*, независимый исследователь, Москва
Astakhov Marat Andreyevich, independent scholar, Moscow
+7-916-469-47-52; marat1089@mail.ru

для понимания судьбы Аль-Андалуса: гибель последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове, Гранадского эмирата, объясняется не только политическими или экономическими причинами, но и «подготовленностью» гранадского общества к завоеванию на фоне более чем 250-летнего взаимодействия с христианским миром. Для более глубокого изучения и понимания исторической роли государства, подобных Гранаде или Византии, а также других зон межцивилизационного взаимодействия, в целом важно и продуктивно формулировать междисциплинарные проблемы, которые не могут быть решены в рамках одной конкретной области науки (например, медиевистики, византистики или востоковедения), но требуют их активного взаимодействия.

Ключевые слова: Реконкиста, Гранадский эмират, Византия, турки, межкультурные и межконфессиональные взаимодействия, междисциплинарный конфликт, языковая и культурная ассимиляция.

Abstract. The present study aims at finding historical patterns in the zones of contact and interpenetration of different civilizational models, which eventually lead to progressive dominance and the prevalence of one of them and displacement or absorption of the other. The author inspired by Russian byzantinist R.M. Shukurov's book *The Turks in the Byzantine World (1204–1461)* attempts at comparing historical experiences of Spain and the Byzantine world in the 13th–15th centuries. He comparatively analyzes the processes that took place in the Pyrenees in the late Reconquista era (from the early 13th century) and in the Byzantine world during the last stage of its existence. Despite significant typological differences of state formations in these regions, the study reveals many common features, ranging from the political fates of Muslim Spain and Byzantium to the special nature of the intensive intercultural, interlingual and, more broadly, intercivilizational interaction in these lands at opposite ends of the Mediterranean. The author considers especially important R.M. Shukurov's idea of the so-called "latent Turkicization" of the late Byzantine society, which actually unfolded from the inside: the Turkic element was gradually incorporated in the Byzantine world, became its integral part and determined the failure of the Empire. This model can be also useful for understanding the fate of Al-Andalus. The fall of the last Muslim state on the Iberian Peninsula, the Emirate of Granada, can be explained not only by political or economic reasons, but also by the "readiness" of Granada's society to be conquered after more than 250-year interaction with the Christian world. A deeper study and better understanding of the historical role of the states like Granada or Byzantium, as well as other similar zones require to solve interdisciplinary problems not only within one specific academic field (Medieval, Byzantine, Oriental studies etc.), but through the interaction of various disciplines.

Keywords: Reconquista, Emirate of Granada, Byzantine Empire, Turks, cross-cultural and interconfessional interaction, intercivilizational conflict, cultural and language assimilation.

В 2017 г. в издательстве МГУ имени М.В. Ломоносова вышла в свет книга российского ученого-византиниста Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире (1204–1461)»¹. В основе монографии лежит докторская диссертация² «Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв.» (2011) и многолетние исследования автора по данной проблеме.

В настоящей статье мы не предполагаем дать развернутую рецензию, тем более что подобная уже существует на английский вариант вышедшей книги³. Занимаясь другим регионом, странами Пиренейского полуострова, казалось бы, не имеющими прямого отношения к византийскому миру, замечаешь очевидные параллели с материалом, представленным в исследовании Р.М. Шукурова, особенно в том, что касается взаимодействия обществ, разных по культуре и доминирующей конфессии. Некоторые фундаментальные выводы, а также исследовательская стратегия автора, на наш взгляд, могут быть весьма успешно применены и к изучению испанской истории, что позволит по-новому взглянуть на ее традиционные сюжеты.

Целью Р.М. Шукурова было выйти за рамки бинарной исследовательской стратегии изучения «влияний» и показать византийско-тюркскую встречу не только как взаимодействие двух исключительно внешних по отношению к друг к другу элементов: подобный подход до сих пор используется многими византинистами. Напротив, по мысли автора, тюркское начало было одним из действенных социально-культурных элементов, трансформировавших византийское общество изнутри, составной частью *самой* поздневизантийской цивилизации. При этом исследователь не только не отвергает, но наоборот подчеркивает наличие цивилизационного конфликта, оказавшегося в конечном итоге губительным для одной из сторон (с. 16). В практическом плане основной задачей было продемонстрировать наличие на византийских территориях тюрков, принявших византийское подданство и расселенных византийской администрацией в империи, а также оценить их влияние в культурном отношении (с. 18–19).

¹ Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. Далее по тексту в скобках указаны ссылки на страницы данной публикации.

² Материалы диссертации Р.М. Шукурова также вошли в его книгу, опубликованную на английском языке в международном академическом издательстве “Brill”: Shukurov R. The Byzantine Turks, 1204–1461. Leiden, 2016.

³ Варьяш И.И. Новые подходы к изучению межкультурного взаимодействия в Средние века // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6 (50). — URL: <http://history.jes.su/s207987840001532-4-1> (дата обращения: 23.03.2019).

Используя разнообразные по жанру (актовый материал, нарративные тексты, церковные и монастырские документы, прозаические и поэтические трактаты, географическую и астрологическую литературу, памятники изобразительного искусства) и происхождению (византийские, восточные, славянские, картвельские и западноевропейские) источники, автор успешно решает поставленную проблему. Особенностью исследовательского подхода Р.М. Шукурова является широкое использование данных ономастики (в особенности антропонимики и топонимики), этимологический и лингвистический анализ данных среднегреческого, а также новогреческого языков на предмет выявления слов восточного происхождения, языковых заимствований и области их употребления. Такая стратегия оказывается весьма плодотворной и, может быть, даже единственно применимой в рамках решения поставленных задач, поскольку византийская научная классификация известных народов основывалась в целом на географическом детерминизме, на включении новых объектов в наличное, унаследованное от античности знание (с. 58), в то время как язык имел второстепенное значение, а языковые различия не проблематизировались византийской научной рефлексией (с. 100–101).

Автор убедительно доказывает, что тюркская (как огузская, так и кыпчакская) иммиграция оставила заметный след в истории поздней Византийской и Трапезундской империй. Тюрки проникали в пределы византийского мира сначала как рабы, купцы, путешественники, перебежчики, пограничные воины, а с XI в., и особенно в поздневизантийский период, вплоть до второй половины XIV в. — как наемники и союзники (с. 138), которых активно привлекали к участию в гражданских войнах и конфликтах (с. 199). Византия не видела в подобном проникновении угрозы — наоборот, приток тюркских иммигрантов объяснялся растущим желанием империи компенсировать недостаток собственного людского ресурса, обусловленный территориальными потерями (с. 301).

Византийскими подданными могли быть только лица, исповедующие православие: в данном вопросе власть, особенно в Константинополе, придерживалась вплоть до самого падения строгой позиции. На византийском Понте существовали группы криптомусульман, лишь формально принявших христианство, но продолжавших тайно придерживаться ислама. Возникновение данного феномена было неизбежным для Трапезундской империи ввиду ограниченности территориальных и демографических ресурсов и практической невозможности расселения новых подданных с целью дальнейшей ассимиляции (с. 403–404).

Сами тюрки, как анатолийцы, так и пришедшие с севера, долгое время охотно принимали византийское подданство и подвергались ассимиляции, видя в Византии источник высоких административных и военных технологий, утонченного быта, элитарной культуры и рассматривая империю как одну из «дверей» в средиземноморскую цивилизацию. Служба такому государству, несмотря на упадок его военной и экономической мощи, была почетна и престижна (с. 302–303). Показательно, что даже в середине XIV в. дети и подданные османского правителя Орхана воспринимали Константинополь как возделенный «туристический» объект (с. 309). Тюркские проиары исчезают с византийской социальной сцены только во второй половине XIV в. в связи с коллапсом проиарной системы вследствие турецких завоеваний (с. 324–325).

Соседство с тюрками, как внутреннее, так и внешнее, привело в конечном счете к тому, что византийцы на поздних этапах существования империи переняли многие тюркские, и в целом восточные, культурные обычаи, придворный этикет, определенные детали в пище и одежде, еще до падения Константинополя и Трапезунда в греческий язык вошло большое количество тюркизмов, а сама тюркская речь в XIV–XV вв. потеряла свое «чуждое» для греческого уха звучание и стала неременным и влиятельным элементом византийского культурно-лингвистического поля. Можно говорить об «ориентализирующем» сдвиге в византийской повседневной ментальности (с. 509).

Подобный процесс, красноречиво названный автором «латентной тюркизацией», привел в итоге к тому, что византийское общество оказалось «готовым» к завоеванию еще минимум за столетие до того, как это завоевание непосредственно произошло. Не следует, однако, говорить о какой-либо «тюркофилии» в византийском обществе — напротив, в своей политике в отношении восточных соседей византийцы придерживались прагматического подхода. Речь идет об уступке культурой своих элементов, об их обмене на чужие, о важной для понимания формуле «обретение чужого — это всегда отказ от части своего»: в этом плане Р.М. Шукуров уместно ссылается на теоретические работы представителя московско-тартуской семиотической школы, культуролога В.Н. Топорова, посвященные проблемам межкультурного влияния. Подсознательная открытость византийского общества тюркскому миру, его мнимая освоенность в контексте византийской ментальности в конечном итоге стали одним из существенных факторов экзистенциального проигрыша Византийской империи и ее падения (с. 513–514).

Вывод Р.М. Шукурова о постепенном проникновении тюркских этнического, языкового и культурного элементов в византийское цивилизационное поле как одним из ключевых факторов, облегчивших дальнейшее политическое превосходство османов и ведение ими успешных завоевательных кампаний, на наш взгляд, может оказаться весьма плодотворным для изучения ситуации на другом конце средиземноморского мира, а именно в Испании.

После битвы при Лас Навас де Толоса 1212 г. и изгнания альмохадов из Испании в начале 1230-х гг. на Пиренейском полуострове осталось лишь одно мусульманское государство — Гранадский эмират, просуществовавшее более 250 лет вплоть до своего падения в 1492 г. На первый взгляд далекая от Византии Гранада, тем не менее, уже современниками событий XIII–XV вв. связывалась с Константинополем и Левантом. Как отмечает израильский исследователь С. Асланов, хронисты крестовых походов с самого их начала описывали события на Ближнем Востоке и в Испании как часть общей борьбы с исламом. Например, анонимный хронист XIV в., «тирский тамплиер», радовался завоеваниям христиан на Пиренейском полуострове и считал их мезтью за потерянный Левант⁴. В дальнейшем (в конце XV — XVI вв.) тема утраченного города стала общим местом в литературных произведениях выходцев из поверженных Константинополя и Гранады⁵.

После падения Константинополя кастильский король Энрике IV в 1458 г. фактически проигнорировал амбициозный проект папы Римского Каликста III по масштабному крестовому походу против османов: вместо этого монарх решил начать войну с гранадцами, которую считал мезтью за действия турок⁶. Кроме того, кастильским послам удалось убедить Святой Престол в том, что Энрике IV был чуть ли не единственным христианским правителем, способным побороть османов, однако для этого необходимо сначала разбить Гранаду. Красочное описание данной дипломатической миссии можно найти у кастильского историка Алонсо де Паленсия (1423–1492), известного оппонента короля Энрике IV: *«Весьма неравнодушно выслушал Понтифик Каликст благоговейные речи послов, заявивших, что все экспедиции против Турка будут тщетны, кроме той, что готовит Энрике, поскольку, если гранадцы будут побеждены и изгнаны*

⁴ Aslanov C. Eyewitness vs. Mediated Narratives of Lost Cities at the End of the Middle Ages: Acre, Constantinople, Granada // Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas. Vol. 7, № 2. 2009. P. 171–172.

⁵ Ibid. P. 184.

⁶ Benito Ruano E. Granada o Constantinopla // Hispania: Revista española de historia. № 79. 1960. P. 296.

из того достойного внимания уголка Испании (т.е. Гранады. — М.А), и будет свободной Испания, тогда Энрике сам обуздает мощь Турка, а также покорит парфян, мидян и фригийцев, в давнем владении находящихся...»⁷. Примечательно, что гуманист Алонсо де Паленсия употребляет по отношению к современным ему народам Малой Азии и Ближнего Востока античные названия (парфяне — Parthi, мидяне — Medi, фригийцы — Phrigii, в нормативном латинском варианте — Phryges), что схоже с византийской исторической традицией (с. 75–84).

Прагматический характер целей Энрике IV очевиден, если принять во внимание, что на Пиренейском полуострове существовала довольно устойчивая традиция отказов от участия в крестовых походах на Ближний Восток в пользу борьбы со «своими» сарацинами. К примеру, члены городского совета Валенсии в 1311 г. схожим образом отвечали на призыв к крестовому походу в Святую землю, отмечая, что «из-за нехватки воинов, которые отправятся из Испании в названный поход в Святую Землю, могут последовать огромные ущерб и опасность для земель Испании», и прося Святой Престол позволить сначала «очистить земли Гранады и другие места, которые держат сарацины»⁸. Под подобные проекты освобождения Испании часто просили у папы Римского определенную часть средств, собираемых Церковью на борьбу с неверными.

Мы не будем останавливаться на подробностях проектов крестовых походов против османов после 1453 г. и реакции на призывы Рима со стороны испанских королей⁹. Однако важно подчеркнуть, что после падения Константинополя предстоящее завоевание Гранады под сильным воздействием как церковной, так и светской пропаганды стало восприниматься как законная месть мусульманам, как своеобразная компенсация за утрату христианами Великого Города, а пи-

⁷ *Alonso de Palencia. Gesta Hispaniensia ex annalibus suorum dierum colligentis.* Madrid: Academia de la Historia, 1835. P. 67–68: “nec negligentius Pontifex Calistus praebeuit aures timidis sermonibus legatorum asseverantium omnes fore irritas adversus Turcum expeditiones praeter eam, quam Henricus moliebatur: nam devictis Granatensibus et ab illo angulo Hispaniae haud negligendo pulsus, libera Hispania, vel ipse Henricus coerceret potentiam Turci atque Parthos Medosque et Phrigios, veteri possessione contentos, premeret...”

⁸ *Epistolari de la València medieval.* Vol. 1 / Introd., ed., notes i apèndix per A. Rubio Vela. València: Institut Interuniversitari de Filologia Valenciana; Barcelona: Publicacions de la Abadia de Montserrat, 2003. P. 235–236 (doc.107): “...per lo mirvament dels hòmens d’armes qui hiran de la Espanya en lo dit viatge de la Terra Santa, se porie seguir molt gran dan e perill a les parts d’Espanya...», «...purgar les parts de Granada e les altres que tenen sarrahins...”

⁹ Об упомянутом проекте Каликста III и отношении к нему другого пиренейского монарха, арагонского короля Альфонсо V Великодушного, см.: *Navarro Sorní M. Calixto III Borja y Alfonso El Magnánimo frente a la cruzada.* Valencia, 2003.

ренейские правители, сражавшиеся с сарацинами, ставились Святым Престолом в пример остальной Европе¹⁰. Судьбы Константинополя и Гранады таким образом в политическом и идеологическом плане оказались тесно связаны.

Несмотря на то что Византия эпохи Палеологов и Гранадский эмират были двумя типологически разными государствами¹¹, они имели определенные схожие черты в своем историческом развитии. Обе страны были лишь наследницами былого величия времен раннего Средневековья, обе они находились в противоположных концах Средиземноморья, занимая стратегически важное положение и являясь своеобразными мостами между Европой и Азией, Европой и Африкой, и поэтому привлекали на протяжении всего своего существования внимание завоевателей. Как следствие, в XIII–XV вв. они постепенно утрачивали свои территории, сдавая неприятелю город за городом, теряя человеческие и экономические ресурсы, что влекло за собой и внутренние политические кризисы. Кроме непосредственных завоевателей (османов и Кастилии) за влияние в Византии и Гранаде боролись и крупные средиземноморские морские державы: итальянские республики Генуя и Венеция, а также Арагонская Корона¹².

Однако в рамках данной статьи нам представляется особо важным обратить внимание на то, что и Византия и Гранадский эмират (как и пиренейские страны в целом) находились на границе между Западом и Востоком и были зонами контакта и взаимопроникновения разных цивилизационных моделей.

На территории христианских государств Испании проживали сарацины, которые стали подданными христианских королей в результате завоеваний Реконкисты, а их право было включено в общее правовое пространство (по крайней мере, в Арагонской Короне¹³). В мусульманской Испании еще со времен арабских завоеваний оста-

¹⁰ *Rincón González M.D.* La divulgación de la Toma de Granada: objetivos, mecanismos y agentes // *Anuario de estudios medievales*. 2010. N 40 (2). P. 604.

¹¹ Византия — прямая наследница Римской империи, сохранившая многие черты политики по интеграции/ ассимиляции иностранцев и по предоставлению гражданства, восходящие еще к I в. до н.э. — III в. н.э. Гранадский эмират — средневековое политическое образование с собственной концепцией государства и подданства, вассально-сюзеренными отношениями, которые хотя и основывались на исламской правовой традиции, однако подверглись значительному влиянию со стороны западно-христианского мира.

¹² *Martínez Carrasco C.* Granada y Constantinopla en la baja Edad Media: una historia comparada // *Revista del Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino*. 2014. N 26. P. 455.

¹³ Об этом подробнее см.: *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016.

вались жить христиане (мосарабы) — подданные мусульманских правителей. Для последнего этапа существования Аль-Андалуса (т.е. эпохи Гранадского эмирата) данных об их существовании почти нет: Ибн аль-Хатиб в XIV в. писал, что христианская община практически исчезла из-за гонений периода альмохадов, однако есть обрывочные данные о неких гранадских крестьянах начала XIV в., которые исповедовали христианство и платили джизью¹⁴. Помимо этого в древней гранадской топонимике сохранились следы христианского влияния¹⁵. Эти данные не позволяют с точностью отрицать существование или говорить о сохранении «автохтонного» христианского населения в последнем мусульманском государстве на территории Испании. Кроме того, так же, как и в византийском мире, в государствах Пиренейского полуострова, включая Гранадский эмират, постоянно или временно проживало множество купцов, пленников и рабов, паломников, ренегатов, эмигрантов, наемников.

Как христианские, так и мусульманские правители пользовались услугами представителей этнических и религиозных меньшинств в самых различных сферах: дипломатии (купцы и ренегаты), управлении государством (ренегаты), охране границ и участии в военных действиях (наемники) и т.д. Сарацины Арагонской Короны очень часто принимали участие в посольствах в Гранадский эмират¹⁶, как и тюркские подданные Палеологов и Великих Комнинов представляли своих императоров в отношениях с миром Востока (с. 326). У гранадского эмира была личная гвардия из ренегатов, а визирь Абул Ридван, служивший в XIV в. подряд трем властителям Альгамбры, был в прошлом знатным кастильцем из рода Бенегас (Venegas), перешедшим в плену в ислам¹⁷. Короли Кастилии для защиты дворцов и границ использовали в том числе и «гвардию мавров» (как мусульман, так и принявших христианство), состоявшую из кастильских сарацин, а также бывших гранадских пленников¹⁸. Схожие «гвардейские» формирования тюрок были и в Византии: так называемые янычары

¹⁴ Ladero Quesada M.A. Granada: historia de un país islámico (1232–1571). Madrid, 1979. P. 45–46.

¹⁵ Arié R. Les minorités religieuses dans le royaume de Grenade (1232–1492) // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. 1992. N 63–64: Minorités religieuses dans l'Espagne médiévale / Dir. de M. Marín, J. Pérez. P. 51–62.

¹⁶ Астахов М.А. Арагонская дипломатическая служба и арагонско-гранадские отношения в эпоху поздней Реконксты // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 8 (52). — URL: <http://history.jes.ru/s207987840001605-4-1> (дата обращения: 23.02.2018).

¹⁷ Arié R. Op. cit. P. 53.

¹⁸ Об этом подробнее см.: Echevarría Arsuaga A. Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467). Madrid, 2006.

присутствовали в свите василевса Иоанна VIII в константинопольском дворце, а затем сопровождали императора в его поездке на Ферраро-Флорентийский собор в Италию (с. 449).

Явление эмиграции также широко присутствовало в обоих концах Средиземноморья. Хрестоматийным примером политической эмиграции в Византию является бегство сельджукского султана Изз ал-Дина Кайкавуса II (1246–1262) и его детей (с. 111–114). Из Гранадского эмирата в Арагонскую Корону, особенно в ее южную часть — Валенсийское королевство, наиболее близко расположенное к границе с исламским миром, довольно часто бежали различные мятежные представители знатных родов, партия которых проигрывала в бесконечных интригах при дворе эмира. Они охотно принимались королем, поскольку Арагон рассчитывал на них в своей борьбе с Кастилией за влияние в Гранаде¹⁹.

В эмират тайно или официально могли эмигрировать арагонские сарацины: у многих находились там родственники, кто-то хотел глубже постигнуть исламскую культуру и арабский язык, некоторые бежали от преследований. Королевская власть занимала по данному поводу противоречивую позицию и так или иначе могла ограничивать не только миграцию мудехаров, но и любые их путешествия за пределы Короны, прежде всего по экономическим причинам. Однако, как показывают современные исследования, грамот, разрешавших арагонским сарацинам выезд из страны (главным образом, для совершения хаджа), было не меньше, чем запрещавших²⁰. Кроме того, гранадские эмиры в мирных договорах с Арагоном и Кастилией особо оговаривали право мудехаров на выезд и недопустимость каких-либо запретов по данному поводу — правители Гранады в целом претендовали на духовное лидерство среди всех мусульман Пиренейского полуострова²¹. Впрочем, как мы показали в своей недавней работе, существовавшие в мирных договорах положения о свободе передвижения всего населения (по крайней мере, в соглашениях между Гранадой и Арагонской Короной) были

¹⁹ Salicrú Lluch R. Caballeros granadinos emigrantes y fugitivos en la Corona de Aragón durante el reinado de Alfonso el Magnánimo // *Actividad y vida en la frontera. II Estudios de Frontera*. Jaen, 1998. P. 727–728.

²⁰ Варьяш И.И. Паломнические практики сарацин в правовых памятниках Арагонской короны (XIV–XV вв.) // *Одиссей. Человек в истории*. 2015–2016. М., 2017. С. 35. Подробнее об ограничении свободы передвижения сарацин в Арагонской Короне см. также: Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001. С. 116–118.

²¹ López de Coca Castañer J.E. Los mudéjares valencianos y el reino nazarí de Granada. *Propuestas para una investigación // En la España Medieval*. 1982. N 2. P. 661, 664.

скорее декларативными, толковались и исполнялись в зависимости от конкретной ситуации²².

Не только мусульмане-сарацины могли эмигрировать в Гранадский эмират. Туда могли уезжать и христиане (исповедующие или бывшие): лишенные наделов землевладельцы, еретики, отступники и сектанты²³, авантюристы и те, кого в испанской историографии образно называют «безумно влюбленными» (*locos enamorados*)²⁴ — обычно приграничные жители, полюбившие, невзирая на вероисповедание, юношу или девушку из соседнего городка или местечка по другую сторону границы и решившиеся по этой причине на бегство. Вообще, пограничное население на Пиренейском полуострове в целом было довольно, если можно так выразиться, подвижным. Это сопоставимо с феноменом восточной византийской периферии — акритскими лимитрофными зонами, в которых движение населения через границу в обоих направлениях было достаточно интенсивным. С X–XI вв. здесь были нередки случаи переходов в стан противника пограничного населения по тем или иным причинам: с византийской стороны воинов-акритов (*акρίται*), с мусульманской — защитников «границы ислама» (*Thughūr al-Islām*) (с. 137).

Иноязычное и инокультурное население, таким образом, было широко представлено и на территории всех стран Пиренейского полуострова, и в византийском мире. Именно поэтому у исследователя в сущности не должно вызывать удивления то, что в христианских пиренейских королевствах и в Гранадском эмирате не только жители приграничных, но и внутренних районов неплохо владели языками

²² Астахов М.А. Мирные договоры в истории дипломатических отношений Арагонской Короны и Гранадского эмирата во второй половине XIV — первой половине XV вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVI Всерос. межвуз. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г.) / Под ред. Г.Е. Лебедевой. Ч. II. СПб., 2016. С. 17–21.

²³ Хрестоматийным примером может служить кастильский монах Алонсо де Мелла, основатель движения «еретиков Дуранго» (*los herejes de Durango*), которого иногда называют «предшественником Реформации в Испании». В начале 1440-х гг. он бежал от преследований в Гранаду, откуда написал кастильскому королю Хуану II письмо с изложением своих взглядов: в нем он подверг критике католический клир и монахов, а также восхвалял сарацин, которые, по его мнению, служат Иисусу Христу гораздо преданнее, чем христиане (под «служением» он, по всей видимости, понимал почитание мусульманами пророка Исы ибн Марьям). Об Алонсо де Мелла см., напр.: *Echevarría Arsuaga A. The Fortress of Faith: The Attitude Towards Muslims in Fifteenth Century Spain*. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 75–77.

²⁴ *García Fernández M. Sobre la alteridad en la frontera de Granada (Una aproximación al análisis de la guerra y la paz, siglos XIII–XV)* // *Revista da Faculdade de Letras: Historia*. 2005. N III (VI). P. 225.

соседей (романсе и арабским), а многие византийцы ко времени падения империи были в той или иной мере туркофонами (с. 522). Подобно Иоанну Кантакузину, хваставшему своими познаниями в языке анатолийских тюрок (с. 27–28) вплоть до возможности к месту цитировать пословицы (с. 492), некоторые гранадские визитеры также любили украшать свою речь кастильскими поговорками. Арабский язык в Гранадском эмирате на протяжении более 250 лет существования этого государства вообще постоянно «романизировался»: вбирал в себя многочисленные слова «христианского» происхождения, использовавшиеся не только в поэзии или канцелярских документах, но и в повседневной речи²⁵. Влияние же арабского на романские языки в обсуждении даже не нуждается: арабизмы проникли буквально во все сферы деятельности человека, причем большинство из них осталось в активном запасе современного испанского языка²⁶.

Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что помимо очевидных сходств между Гранадой (и пиренейскими странами в целом) и византийским миром было немало различий. Вообще, одной из важнейших задач компаративной истории на современном этапе развития науки является преодоление зависимости от универсальных, внеисторических категорий, от европоцентризма, акцентуация различий в большей степени, нежели общих черт²⁷.

Как отметила О.И. Варьяш, отличительной чертой пиренейской контактной зоны по сравнению с другими опытами является то, что «чужое» здесь облекалось в первую очередь в форму конфессии, причем «встретившиеся» религии были монотеистическими. Именно конфессиональный уровень инаковости, отраженный также в нравственных и правовых установках, определял на Пиренеях длительность неслиянного взаимопроникновения культур²⁸. При этом, как отмечалось выше, подданными христианских королей и гранадских эмиров могли быть исповедующие и христианство, и ислам, и иудаизм. В византийском же мире вплоть до его падения правовая система не предусматривала присутствия на территории империи мусульман (которых формально отождествляли с язычниками) в качестве подданных (с. 107). Не вдаваясь в подробности и описание отдельных случаев (например, существования криптомусульманства), отметим,

²⁵ Arié R. Historia y cultura de Granada Nazari. Granada, 2004. P. 121–122.

²⁶ Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М., 2003. С.74.

²⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 275.

²⁸ Варьяш О.И. К вопросу о природе и факторах стабильности пиренейской контактной зоны // Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в средние века. М., 2006. С. 300–301.

что в империи господствовал принципиально иной, гораздо более универсалистский подход по отношению к конфессиональной принадлежности подданных, нежели на Пиренейском полуострове²⁹.

Определенная разница заметна и в степени ассимиляции. Мудехары-мусульмане в Арагонской Короне XIII–XV вв. в повседневной жизни не сильно отличались от христиан: они говорили на романсе, носили одежду и прически, подобные христианским. Они не были иммигрантами, подобно тюркам, и проживали на своих землях многие столетия. Данные обстоятельства и общая склонность средневекового общества к созданию знаковых систем побуждали королевскую власть принимать ограничительные законы (которые, тем не менее, нельзя назвать анахроничным термином «дискриминационные»): сарацинам предписывалось носить определенные наряды, головные уборы и прически, селиться отдельно от христиан³⁰.

Впрочем, такие законы действовали непостоянно, то принимались, то отменялись, например в угоду внешнеполитическим обстоятельствам (ради поддержания добрососедских отношений с Гранадой, правитель которой позиционировал себя как защитник всех мусульман Пиренейского полуострова). Имеются сведения о введении ограничительных законов в отношении «людей книги», проживавших в Гранаде: по крайней мере, такие предписания точно применялись к иудеям; об ограничительных мерах, направленных на христиан, известно по магрибским и египетским источникам³¹.

²⁹ Следует, однако, принимать во внимание и то, что Великая Схизма 1054 г. и в особенности крестоносное движение и образование Латинской Романии с сопутствующей конфронтацией между латинской церковью и «схизматиками-греками» заметно повлияли на ромейское мировоззрение и привели к осознанию роли этнического и конфессионального фактора, по крайней мере, в отношениях с латинским Западом. Понятие «латинянин» как представитель западноримской, «ущербной» ветви христианства, религии чужого языка предполагало принадлежность подданных империи к «истинной», православной и именно — грекоязычной церкви (см.: *Литаврин Г.Г.* Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // *Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 83.*) В критических ситуациях, особенно во времена конфликтов с Западом, простые византийские подданные проявляли гораздо большую терпимость к мусульманам, чем к носителям «ущербного» единоверия — латинянам (см.: *Литаврин Г.Г.* Особенности развития культуры Византии во второй половине VII–XII в. // *Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. С. 632–633.*) Эти мотивы конфликта нашли отражение в «Исторических записках» византийского историка Георгия Пахимера (1242 — ок. 1310), где он констатирует, что греки для латинян были не более чем «белыми агарянами» (*Pachymérés Georges. Relations historiques / Ed. A. Failler; trad. V. Laurent. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1984. P. 471.*)

³⁰ *Варьяш И.И.* Правовое пространство... С. 114–115.

³¹ *Arié R.* Les minorités religieuses... P. 52, 56.

Тюрки, иммигрировавшие на территорию византийского мира, были гораздо более неоднородны в культурном плане. Уровень цивилизации в Анатолии благодаря исламу и главенству иранской культуры в городах был неизмеримо выше, чем в «скифских» степях половецкого и монгольского Севера, однако границы империи были одинаково проницаемы, и каких-либо предпочтений в отношении «варваров» у византийцев не было. Естественно, что анатолийские тюрки гораздо быстрее адаптировались к византийским реалиям (с. 337–338).

В XI–XIII вв. принимавшие христианство, становившиеся «римлянами» тюрки-иммигранты, тем не менее, в глазах византийцев были теми, кого с определенной долей условности можно назвать этническим меньшинством: они были обособлены по языку, обычаям, власти старались расселять их компактно по территории империи, явно учитывая их этническую общность и т.д. Если на то была необходимость, то в документах их могли особо именовать: например, «римлянами иностранного происхождения», в отличие от римлян, «рожденных от римлян» (с. 338–341). Однако уже второе поколение иммигрантов могло быть полностью эллинизированным в культурном и языковом плане (с. 336). В XIV–XV вв. ситуация с ассимиляционными процессами меняется: тюрки проникают в империю уже не как иммигранты, но как наемники и федераты, тюркоязычное население достигло такой численности, что могло влиять на языковую ситуацию в Византии (что уже отмечалось выше).

Все же, несмотря на перечисленные различия, очевидные сходства в развитии пиренейских государств и византийского мира дают основания для глубокой рефлексии. В частности, мы думаем, что вывод о «латентной тюркизации» представленный в монографии Р.М. Шукурова, мог бы быть плодотворно экстраполирован на пиренейский материал.

Гранадское общество, несмотря на более чем 250-летнее противостояние напору Реконкисты, по своей сути оказалось «готовым» к завоеванию гораздо ранее 1492 г. — в данном случае можно говорить о «латентной христианизации». Гранадские мусульмане, как и их собратья по вере, оставшиеся жить в христианских королевствах, оказались вписаны в, если так можно выразиться, единое пиренейское политическое, экономическое, правовое, дипломатическое, культурное пространство. Не стоит забывать и то, что согласно Хаэнскому трактату 1246 г., гранадский эмир признавал себя вассалом Кастилии, обязывался платить дань и оказывать военную помощь. Хотя положения договора соблюдались довольно условно: военная помощь кастильцам оказывалась редко, взимание дани не было

периодичным и не обходилось без конфликтных ситуаций, а сами выплаты оформлялись как «акт милости» по отношению к соседу со стороны мусульманского правителя³², — Гранадский эмират так или иначе оказался встроено в европейскую систему вассальных связей, не переставая быть частью исламского мира.

Можно перечислить много причин исторического поражения мусульманской Испании в конце XV в.: традиционно в их числе называются внутренняя нестабильность, усиление напора Реконксты после объединения Кастилии и Арагонской Короны, изменение экономической ситуации на Средиземном море в связи с начавшимися географическими открытиями, с одной стороны, и возвышением Османской империи — с другой, месть за продвижение турок и падение Константинополя и т.д. Однако картина, на наш взгляд, являлась бы неполной без понимания цивилизационного вектора развития Аль-Андалуса, т.е. его последней части — Гранадского эмирата — в позднее Средневековье. Как и византийский мир, мусульманская Испания была открыта для инокультурного влияния, изменялась дистанция (особенно в XV в.) между своими и чужими³³, культура «Другого» становилась частью культуры «Своего».

Вхождение Гранадского эмирата в общее с христианскими государствами цивилизационное пространство было одновременно преимуществом и серьезным риском для последнего мусульманского оплота в Испании. С одной стороны, Гранада была связующим мостом, занимала выгодное стратегическое положение между Востоком и Западом, с другой — все больший культурный поворот в сторону христиан при неспособности противостоять им в политическом и военном плане предопределили ее экзистенциальный проигрыш — т.е. судьбу, схожую с Византией. Вернемся к упомянутому Р.М. Шукуровым русскому философу В.Н. Топорову, который так сформулировал суть контакта между культурами: «“Принимающая” сторона уступает свое место “чужому”, получая за это выигрыш в виде некоего нового, нужного ей элемента, а... “дающая”... сторона выигрывает в приобретении нового... для нее пространства, позволяющего в принципе и в ряде отношений доминировать над [берущей] стороной...» (с. 513).

Вышесказанное в отношении мусульманской Испании и ее цивилизационного пути является не окончательным утверждением,

³² *López de Coca Castañer J.* El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán? // *Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos*. Ávila, 2005. P. 346.

³³ *Зеленина Г.С.* От аутодафе к аутизму через Аушвиц. Переизобретение Другого в истории и историографии // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории — 2014–2016*. Вып. 11 / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Институт всеобщей истории РАН. М., 2016. С. 106.

а лишь постановкой проблемы, причем довольно перспективной, на наш взгляд. В этом плане книга Р.М. Шукурова действует на исследователя поистине вдохновляюще: колоссальный объем задействованных источников, широкий набор методов, с помощью которых успешно решаются стоящие перед автором задачи, — подобные труды, действительно, хочется видеть не только в области византистики.

Монография Р.М. Шукурова показывает, что на современном этапе развития науки недостаточно изучения той или иной проблемы, того или иного партикулярного сюжета в рамках узкой дисциплины (западной медиевистики, византистики, востоковедения, филологии, этнографии и т.п.). К сожалению, даже в наши дни, история, например, мусульманской Испании все еще изучается отдельно медиевистами, отдельно арабистами, по сути, замкнутыми коллективами, существующая коммуникация между дисциплинами оставляет желать лучшего. В то же время, как отмечает Л.П. Репина, важно не просто взаимодействие между дисциплинами, заимствования ими методов друг друга для решения внутридисциплинарных проблем — необходимо применение трансдисциплинарного подхода, «при котором сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин»³⁴. Исследование Р.М. Шукурова как раз является блестящим примером успешного применения подобного подхода.

В завершении своей книги Р.М. Шукуров пишет о перспективах дальнейшего исследования. Будущим исследователям предлагается применить набор подходов и методик, опробованных в исследовании, к изучению и других этнических групп (персов, арабов, славян, армян, латинян, сирийцев) в составе византийского населения, как в позднюю эпоху, так и в предыдущие столетия (с. 525). Нам представляется возможным распространить эти идеи и на другие контактные зоны, в частности, на Испанию. Постановка трансдисциплинарных проблем, комплексное изучение самых различных по своему происхождению источников, использование данных ономастики, лингвистического анализа и т.п. вне всякого сомнения будут способствовать глубокому и цельному восприятию и пониманию тех или иных феноменов прошлого и настоящего.

³⁴ Репина Л.П. Указ. соч. С. 29. См. также заключение в данной монографии: «Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия».

References

Arié R. *Les minorités religieuses dans le royaume de Grenade (1232–1492) // Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. N 63–64: Minorités religieuses dans l'Espagne médiévale. 1992, pp. 51–61.

Arié R. *Historia y cultura de Granada Nazari*. Granada: Universidad de Granada. Fundación El Legado Andalusi, 2004. 304 p.

Aslanov C. *Eyewitness vs. Mediated Narratives of Lost Cities at the End of the Middle Ages: Acre, Constantinople, Granada // Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*. 2009. Vol. 7. N 2, pp. 169–187.

Astakhov M.A. *Aragonskaya diplomaticheskaya sluzhba i aragonsko-granadskiye otnosheniya v epokhu pozdney Rekonkisty* [Aragon Diplomatic Service and Aragonese-Granadan Relations during the late Period of Reconquista] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2016. T. 7. Vyp. 8(52). — URL: <http://history.jes.su/s207987840001605-4-1>

Astakhov M.A. *Mirnyye dogovory v istorii diplomaticheskikh otnosheniy Aragonskoy Korony i Granadskogo emirata vo vtoroy polovine XIV — pervoy polovine XV vv.* [The Truces in the History of Diplomatic Relations between the Crown of Aragon and the Emirate of Granada in the Second Half of the 14th — First Half of the 15th Centuries] // *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Materialy XXXVI Vserossiyskoy mezhvuzovskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Kurbatovskiye chteniya" (12–14 dekabrya 2016 g.)* [Problems of the History and Culture of Medieval Society. Proceedings of the 36th All-Russian Inter-University Conference of Students, Postgraduates, and Young Scholars "Kurbatov Reading" (12–14th December 2016)] / Ed. by G.Ye. Lebedeva. Ch. II. Saint Petersburg: ID Pravo, 2016, pp. 13–33.

Benito Ruano E. *Granada o Constantinopla // Hispania: Revista española de historia*. 1960. N 79, pp. 267–314.

Echevarría Arsuaga A. *The Fortress of Faith: The Attitude Towards Muslims in Fifteenth Century Spain*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 254 p.

Echevarría Arsuaga A. *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467)*. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2006. 315 p.

Epistolari de la València medieval / Introd., ed., notes i apèndix per A. Rubio Vela. Vol. 1. València: Institut Interuniversitari de Filologia Valenciana; Barcelona: Publicacions de la Abadia de Montserrat, 2003. 414 p.

García Fernández M. *Sobre la alteridad en la frontera de Granada (Una aproximación al análisis de la guerra y la paz, siglos XIII–XV) // Revista da Faculdade de Letras: Historia*. 2005. III(VI), pp. 213–235.

Ladero Quesada M.A. *Granada: historia de un país islámico (1232–1571)*. Madrid: Editorial Gredos, 1979. 283 p.

López de Coca Castañer J.E. *Los mudéjares valencianos y el reino nazari de Granada. Propuestas para una investigación // En la España Medieval*. 1982. N 2, pp. 643–666.

López de Coca Castañer J. *El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán? // Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos*. Ávila: Fundación Sánchez Albornoz, 2005, pp. 313–346.

Martínez Carrasco C. *Granada y Constantinopla en la baja Edad Media: una historia comparada // Revista del Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino*. 2014. N 26, pp. 437–456.

Mata Carriazo J. *Un alcalde entre los cristianos y los moros en la frontera de Granada // Al-Andalus: revista de las Escuelas de Estudios Árabes de Madrid y Granada*. 1948. Vol. 13. N 1, pp. 35–96.

Navarro Sorní M. *Calixto III Borja y Alfonso El Magnánimo frente a la cruzada*. Valencia: Ajuntament de València, 2003. 282 p.

Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the Border of the 20th – 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow: Krug, 2011. 560 p.

Rincón González M.D. *La divulgación de la Toma de Granada: objetivos, mecanismos y agentes // Anuario de estudios medievales*. 2010. N 40(2), pp. 603–615.

Salicrú Lluç R. *Caballeros granadinos emigrantes y fugitivos en la Corona de Aragón durante el reinado de Alfonso el Magnánimo // Actividad y vida en la frontera*. II Estudios de Frontera. Jaen: Diputación Provincial, 1998, pp. 727–748.

Shukurov R.M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine world, 1204–1461]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017. 631 p.

Shukurov R. *The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2016. 513 p.

Torres Fontes J. *Instituciones y sociedad en la frontera murciano-granadina*. Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 2004. 536 p.

Varyash I.I. *Pravovoye prostranstvo islama v khristianskoy Ispanii XIII–XV vv.* [The Legal Space of Islam in Christian Spain in the 13th–15th Centuries]. Moscow: URSS, 2001. 188 p.

Varyash I.I. *Novyye podkhody k izucheniyu mezhekul'turnogo vzaimodeystviya v Sredniye veka* [New Approaches to the Study of Intercultural Interaction in the Middle Ages] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2016. T. 7. Vyp. 6(50). — URL: <http://history.jes.su/s207987840001532-4-1>

Varyash I.I. *Saratsiny pod vlast'yu aragonskikh koroley. Issledovaniye pravovogo prostranstva XIV v.* [The Saracens under the Kings of Aragon. A Study of the Legal Space in the 14th Century]. Saint Petersburg: Yevraziya, 2016. 390 p.

Varyash I.I. *Palomnicheskiye praktiki saratsin v pravovykh pamyatnikakh Aragonskoy korony (XIV–XV vv.)* [Pilgrimage of the Saracens as Portrated in the Legal Sources of the Crown of Aragon, the 14th–15th Centuries] // *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. 2015–2016. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2017, pp. 33–48.

Varyash O.I. *K voprosu o prirode i faktorakh stabil'nosti pireneyskoy kontaktnoy zony* [On the Question of the Nature and Factors of Stability of the Pyrenean Contact Zone] // Varyash O.I. *Pireneyskiye tetradi. Pravo, obshchestvo, vlast' i chelovek v sredniye veka* [Pyrenean Notebooks. Law, Society, Power, and Man in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 2006, pp. 293–301.

Zelenina G.S. *Ot autodafe k autingu cherez Auschwitz. Pereizobreteniyе Drugogo v istorii i istoriografii* [From Auto-da-fé to Outing via Auschwitz. Reinvention of the Other in History and Historiography] // *Kazus: Individual'noye i unikal'noye v istorii* [Casus: The Individual and Unique in History]. 2014–2016. Vyp. 11 / Ed. by O.I. Togoeva, I.N. Danilevskiy]. Moscow: Indrik, 2016, pp. 82–112.

Поступила в редакцию
14 января 2018 г.